

«Роскошь — она не для всех»

Сидни Толедано, Dior

АЛЕКСЕЙ ТАРХАНОВ

АРХИТЕКТОРОМ
НОВОГО МИЛАНСКОГО
БУТИКА СТАЛ ПИТЕР
МАРИНО

Сидни Толедано руководит Christian Dior больше 18 лет. Он родился в Касабланке, учился в Париже и повидал на своем люксовом веку немало знаменитых кутюрье, работавших для Dior. Мы встретились с ним по случаю открытия нового бутика в Милане и воспользовались случаем, чтобы поговорить о настоящем и будущем знаменитой марки.

— В чем культура помогает кутюрье?

— Лучший пример — наш основатель Кристиан Диор. Он хотел стать художником, отец хотел сделать его чиновником, в итоге он так и не учился ни моде, ни рисунку. Но он был талантлив и дружил с самыми великими художниками своего времени, вся его жизнь была освещена тем вдохновением, которое ему давало искусство.

— Многие марки носят имена своих создателей. Что осталось от Кристиана Диора, французского кутюрье второй половины XX века, в огромном международном модном доме, которым вы управляете?

— Я прожил в этом доме больше 18 лет, и не было дня, когда бы я не чувствовал присутствие Диора. Его воспоминания я перечитывал тысячу раз. Это моя настольная книга. Но не для того, чтобы гадать о том, что бы он сделал на моем месте, — все-таки мир очень изменился. А для того, чтобы понять его систему ценностей. Они совершенно современны.

Женственность во главе угла — как цель и средство. И бесконечное внимание к мастерским и ремеслам. Его отличало удивительное уважение к своим мастерам, он как будто бы говорил этим, что без них он не был бы Диором. Так вот это сохраняется. Никто из его последователей — ни Раф Симонс, ни Джон Гальяно, ни сам Сен-Лоран, никто не мог бы делать моду без них.

Я даже не говорю о том, что его наследие все так же важно для наших современников. Это и в самом деле живой диалог. Взять хотя бы New Look. Все были счастливы, когда

Раф Симонс открыл свое первое дефиле новой интерпретацией этого стиля. Именно новой — я думаю, сам Диор не одобрил бы буквальное воспроизведение. Он сказал бы: «Дорогой Раф, я ждал от вас большего!» Мне кажется, что в 2012 году мы как никогда близки к Диору.

— Когда я думаю о его New Look и эстетической революции 1947 года, я задаю себе вопрос: неужели нужна была мировая война, чтобы люди оценили и страстно захотели эту моду?

— Я был рожден после войны. Но я знаю, что мои родители были помечены ею навсегда. Они научились ценить жизнь, они были отмечены этой любовью к жизни, которая вдохновляла и окрыляла Диора. Он помогал им найти радость бытия.

— То есть вы тоже считаете, что мода лечит общество, а не портит его.

— Конечно, мода — это нечто искусственное, это не философия и не политика, не физика и не математика, но она усваивает дух времени и переводит его в форму, понятную людям. В этом сила создателя — в умении почувствовать движение листьев в кронах деревьев. Так говорил Кристиан Диор, это не мои слова.

— Вы действительно считаете, что марка должна постоянно двигаться в унисон с музыкой времени?

— Да, и она в постоянном движении со времен Диора. У марки есть своя судьба,

CHRISTIAN DIOR

Открывая этот бутик Dior, мы хотели разделить с нашими клиентами идею того, что кутюр — это прежде всего искусство. Отсюда — работы современных художников, которые включены в интерьер. Отсюда — сложный серый цвет, благородный фон, напоминающий о XVIII веке. Это цвет Парижа, цвет парижского неба. Конечно, это не художественная галерея, но это

интерьер, который позволит нашим клиентам, выбирая платье или сумочку, встретиться с настоящими произведениями искусства — не только кутюра, но и живописи, скульптуры, дизайна

и мы только разделяем ее путь. Нельзя сопротивляться этому движению, этим переменам, нужно помогать им, пусть интуитивно — и, прислушиваясь к этой музыке, всегда опираться на лучших исполнителей, настоящих мастеров.

— Но есть же, наверное, рамки, пределы, есть вещи, которые марка все-таки не может себе позволить?

— Конечно, нельзя брать за все на свете. Это верно для режиссера, для художника, для писателя. Это верно и для модного дома. Есть вещи, которые марка не должна делать.

— Например? Вы же делаете все — от ювелирных украшений до ботинок...

— Например, автомобили — это точно не наше. А обувь? Напомню вам, что именно Кристиан Диор начал делать обувь для своих первых дефиле. И у него, как я вам уже говорил, был талант окружать себя лучшими из лучших. Для обуви он позвал не кого-нибудь, а Сальваторе Феррагамо! Сам

Диор не был ювелиром, не делал бриллиантовых парюр, но создавал украшения для своих показов. И вот теперь за ювелирные украшения Dior отвечает Виктуар де Кастельян. Я люблю машины, но что же это нужно за гений механики, который будет конгениален Dior?

— Определение роскоши универсально или есть роскошь французская, русская, американская?

— Нет, это универсальное определение. Я рожден в Африке, жил и в Азии, и в Америке, и на Ближнем Востоке, и в Европе — смысл роскоши всюду одинаков. Роскошь — это желание, страсть, ей учатся, и появляются люди все более требовательные и изощренные. Другой вопрос — доступ к роскоши.

— Модные марки стараются расширить круг потребителей, вовлечь больше новых клиентов, то есть сделать роскошь более доступной.

— Я против этой идеи. Роскошь — она не для всех. Если вы всем доступны, значит, вы не столь качественны. Не верю, когда мне рассказывают, что качество может быть дешевым. За всем стоит работа, люди, а человеческий труд драгоценен. Наши мастера учились у своих родителей, они представители династий, столь же древних и почетных, как королевские.

— Как вы реагируете на появление новых рынков вроде России — огромной страны, которая 70 лет не покупала Dior?

— Даже в те времена мы чувствовали настоящее желание русского мужчины быть элегантным и русской женщины быть красивой, как она того заслуживает. И, когда ситуация изменилась, мы оказались одной из первых великих марок, пришедших в Россию. Мы были счастливы видеть, как изменились русские женщины, как их красота расцвела в обрамлении наших вещей. Их вкусы, их манеры тоже дали нам импульс в работе. Я им за это очень благодарен.

Беседовал Алексей Тарханов